

DOI 10.35775/PSI.2025.69.4.018

УДК 94

Р.А. КОБЕЛЬКОВ

аспирант Дипломатической академии

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

Россия, г. Москва

E-mail: ruslan.kobelkov@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИТЕСНЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В ЕВРОПЕ: РУСОФОБИЯ, СЕРБОФОБИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

Настоящая статья посвящена исследованию историко-культурных и политических основ феноменов русофобии и сербофобии в европейской истории. Эти явления рассматриваются как особые формы религиозного и цивилизационного отчуждения, укоренившиеся в сознании европейских обществ в результате комплекса факторов, включая Великую схизму 1054 года, расширение католической и протестантской культурной парадигмы, а также геополитическое соперничество между Западом и православным Востоком. Особое внимание уделяется формированию устойчивых стереотипов, в которых Россия и Сербия последовательно представлялись как варварские, отсталые и деспотичные государства, угрожающие «цивилизированному» миру.

На основе анализа источников и исторических примеров – от пропаганды времен Крымской войны до публицистики эпохи Просвещения – автор выявляет, как религиозное различие между православием и западным христианством (католицизмом и протестантизмом) стало основой символического противопоставления. Русофобия и сербофобия, хотя и различны по генезису, во многом питаются общими источниками – представлениями о православии как о догматичной, неевропейской, «иной» традиции.

В статье показано, что с усилением национализма в XVIII-XIX веках религиозная принадлежность стала маркером национальной идентичности, а православие – мишенью для дискриминации. Рассматриваются также современные формы этих предрассудков: от ограничений православных институтов в постсманском и постсоветском пространстве до риторики «европейского выбора», сопровождающейся требованием отказа от восточнохристианской идентичности. Автор приходит к выводу, что русофобия и сербофобия – это долговременные конструкторы «чужого», трансформирующиеся, но не исчезающие, отражающие инерционную силу исторических стереотипов в европейском сознании.

Ключевые слова: русофобия, сербофобия, православие, национализм, Европа, притеснение, культурно-исторические аспекты, религиозное отчуждение.

Современная европейская история отмечена сложными отношениями между странами Запада и православным миром, которые во многом определяются феноменами русофобии и сербофобии. Под русофобией обычно понимают

устойчивое предубеждение или враждебность по отношению к России, русскому народу и их культуре, имеющие глубокие историко-культурные корни. Сербофобия – схожее явление, выражающееся во враждебности к сербскому народу и Сербии, нередко рассматриваемое как локальная ветвь русофобии ввиду общности православной веры и культурной близости сербов и русских. Оба явления сформировались под влиянием геополитических, религиозных и националистических факторов и привели к длительному отчуждению православных народов в глазах части европейского сообщества.

Враждебное отношение к православию в Европе имеет глубокие исторические корни. Еще со времен Великой схизмы 1054 года произошло разделение христианского мира на западное (католическое, а позже протестантское) и восточное (православное). Православная Русь после падения Византии стала рассматриваться как преемница восточного христианства, противопоставленная латинскому Западу. Уже в XV–XVI веках Московское государство заявляло о себе как о «бастионе истинного христианства» после Флорентийской унии 1439 года, отвергнутой русской Церковью. Это сопровождалось риторикой противостояния «православного Востока» и «латинского Запада», усиливая восприятие России как цивилизации, отличной от западноевропейской [2. С. 146].

Уже в раннее Новое время фиксируются первые проявления русофобских стереотипов. Так, в начале XVI века в условиях противоборства Московии и Польско-Литовского государства последний пытался заручиться поддержкой католических держав, изображая русского царя и народ в крайне негативном свете. Исторические хроники сообщают, что после битвы под Оршей в 1514 г., выигранной войсками польского короля Сигизмунда I, польская сторона развернула кампанию по дискредитации России [4. С. 70]. В посланиях римскому папе утверждалось, будто «московиты не являются христианами; они жестоки и варварски; они азиаты, а не европейцы; они в союзе с турками и татарами для разрушения христианства». Эта пропаганда формировала образ России как чуждого, опасного государства, оправдывая необходимость объединенных действий Запада против «угрозы с Востока» [4. С. 70]. В период Тридцатилетней войны наша страна переживала покушения и набеги с целью захвата территории [5].

В эпоху Просвещения (XVIII – начало XIX вв.) подобные стереотипы трансформировались, но не исчезли. Несмотря на реформы Петра I, сблизившего Россию с Европой, в сознании многих образованных европейцев Россия по-прежнему оставалась «азиатской деспотией». Путевые заметки и мемуары западных путешественников того времени закрепляли представления о россиянах как о полуварварском народе на периферии цивилизованного мира. Показателен пример французского маркиза Астольфа де Кюстина, опубликовавшего книгу «Россия в 1839 году». Он писал, что в России «покрытие европейской цивилизации слишком тонко, чтобы быть правдоподобным», подразумевая внешнее заимствование европейских норм при сохранении иной сущности. Подобные труды укрепляли убеждение, что Россия лишь имитирует Европу, оставаясь в основе своей «чуждой» ее ценностям [8. С. 138].

Помимо культурных различий, важную роль играли религиозные факторы. После Реформации в Европе отношение к православию было двойственным. С одной стороны, протестантские государства ослабили прямое противостояние с православными (по сравнению с католическими государствами), с другой – и протестанты, и католики воспринимали восточное христианство как менее развитое. Сербский историк Милорад Экмечич отмечал, что Реформация сыграла двоякую роль: «с одной стороны, она ослабила католическую агрессию против православных, с другой – закрепила представление о православии как о догматичной и изолированной традиции» [7. С. 142].

Во второй половине XIX века геополитическое соперничество достигло апогея в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. Этот конфликт, формально возникший из споров вокруг защиты святых мест в Палестине, быстро приобрел идеологическую окраску. Войска Британской и Французской империй, встав на сторону Османской (Турецкой) империи против православной России, сопровождали военные действия мощной информационной кампанией. В европейских газетах того времени Россия целенаправленно представлялась как агрессор и варварская держава, стремящаяся к подчинению Европы под видом защиты единоверцев [2. С. 146]. Например, британская пресса рисовала образ России как непосредственной угрозы европейской цивилизации, якобы намеревающейся захватить проливы Босфор и Дарданеллы и тем самым поставить Европу на колени. Французский историк Эрнест Лависс писал, что Запад подал Крымскую войну как борьбу «цивилизованной Европы, защищающей свободу и христианские ценности, против варварской России», закрепив тем самым в общественном мнении жесткую дихотомию между двумя мирами [9. С. 115].

В целом геополитический контекст XVIII–XIX вв. характеризовался неприятием усиливающейся роли России как великой державы. Экспансия Российской империи – будь то на запад (разделы Польши), север (Присоединение Финляндии в 1809 г.) или юг (успехи в балканских войнах с Османами) – вызывала тревогу у западноевропейских правительств. Британская политика сдерживания, получившая название «Большая игра», рассматривала русское продвижение к Индийскому океану и на Балканы как экзистенциальную угрозу Британской империи [3. С. 30]. Именно в этот период сформировался стойкий стереотип России как врага порядка, варварской и деспотичной силы, противопоставленной «просвещенной» Европе. Н.Я. Данилевский, русский мыслитель XIX в., констатировал, что Россия в глазах Запада никогда не была его органичной частью, а всегда – «самостоятельная цивилизация, противостоящая латинской культуре» [1]. Данный исторический опыт создал ментальный образ врага, который позднее, в XX веке, проявился в новых формах.

Что касается Балканского региона, то исторические предпосылки сербофобии формировались несколько иначе, хотя и параллельно русофобии. В XVIII–XIX вв. сербы, остававшиеся под властью Османской империи и Австро-Венгрии, также сталкивались с религиозным и национальным притеснением. С одной стороны, Османское правление проводило политику исламизации и угнетения

сербского населения, пытаясь подорвать его православную идентичность. С другой стороны, в многонациональной Австро-Венгрии зарождался хорватский национализм, часто строивший свою идентичность в противовес сербам. Несмотря на то, что и сербы, и хорваты – южнославянские народы с очень близким языком, религиозный фактор стал основанием для разделения. К концу XIX в. ряд хорватских деятелей открыто проповедовал антисербские идеи. В частности, идеолог хорватского национального движения доктор Анте Старчевич называл сербов чуждым элементом и ставил под сомнение их принадлежность к «цивилизированной Европе» [7. С. 142]. Австро-венгерские власти также опасались усиления сербского влияния и противились пан-славянским идеям объединения южных славян под эгидой Сербии. Накануне Первой мировой войны сербов в Австро-Венгрии называли «народом-предателем», их печать и даже использование кириллического алфавита были запрещены, православные храмы подвергались погромам (например, в Загребе в июле 1914 г.) [6].

Анализ исторических проявлений русофобии и сербофобии свидетельствует о том, что в их основе лежит не только межгосударственное соперничество, но и глубокое националистическое мировоззрение, использующее религиозные различия для разграничения «своих» и «чужих». Национализм, возникший в Европе в Новое время, часто сопрягал этническую идентичность с господствующей конфессией. Это породило ситуацию, при которой религия стала маркером национальной принадлежности, а религиозное отличие – удобным оправданием неприязни к целому народу.

На Балканах национальная идентичность практически совпала с конфессиональной. После распада Османской империи сербы отождествляли себя с православием, хорваты – с католицизмом, босняки (боснийские мусульмане) – с исламом. В таких условиях любой межнациональный конфликт автоматически приобретал религиозную окраску. Хорватский ультранационализм 1940-х оправдывал геноцид тем, что сербы – «инославные схизматики», подлежащие либо обращению в католицизм, либо уничтожению. Схожим образом, сербские радикалы во время боснийской войны ссылались на историческую миссию защиты православной веры против потомков османских угнетателей.

Национализм также играет роль в формировании дискурса русофобии и сербофобии на международной арене. Западноевропейский (национальный нарратив содержит элемент самоидентификации через противопоставление «остальному миру»). В XIX веке британский и французский национализм во многом строился на идее превосходства своих империй и ценностей над «отсталыми» народами. Образ России использовался как универсальный противоположный полюс – варвар, деспот, еретик. Этот нарратив, укоренившись, пережил смену эпох и трансформировался, но не исчез. В XXI веке, когда идейное значение национализма открыто не провозглашается в глобальном дискурсе, он проявляется имплицитно: например, риторика о защите «европейских ценностей» зачастую подразумевает все то же противопоставление Запада и православно-славянского Востока.

Примером служит ситуация с расширением ЕС и НАТО на восток. Подчеркивая необходимость «цивилизационного выбора» для стран Восточной Европы, политики апеллируют к тому, что эти народы должны окончательно утвердиться в кругу западных наций, отринув «восточную» идентичность. Фактически от православной страны требуют если не отказаться от веры, то умалить значение религиозно-культурных связей. Это требование отражает глубоко укорененное недоверие к православной идентичности как несовместимой с модернистским национальным проектом Европы. Национальное строительство новых независимых государств (Латвии, Эстонии, Украины и др.) также часто включало снижение роли Православной церкви, если она ассоциировалась с соседней «большой» нацией. Так, формирование украинской постсоветской нации сопровождалось поддержкой автокефальной церкви и маргинализацией УПЦ, что связано не только с вопросами безопасности, но и с стремлением создать религиозно самостоятельную национальную идентичность.

В итоге религиозное отчуждение является, своего рода, побочным продуктом национализма. Когда национальная идея ставит во главу угла единство языка, культуры и религии, любые группы иной веры автоматически оказываются подозрительными. Православные общины в преимущественно католических или светско-протестантских обществах часто ощущают на себе давление ассимиляции.

Из проведенного исследования следует, что притеснение православия в Европе – сложный многослойный феномен, исторически обусловленный пересечением религиозных, культурных и политических факторов. Русофобия и сербофобия выступают как специфические формы проявления этого явления, связанные с долгой традицией представления России и Сербии в образе «чужой цивилизации». Возникнув на основе средневекового религиозного раскола и укрепившись в Новое время через геополитическое соперничество, эти предубеждения продолжали оказывать влияние на ход европейской истории. В XIX веке образ «православного варвара» прочно вошел в западный дискурс, в XX веке трансформировался в условиях идеологических войн, а в XXI веке – вновь обострился на фоне современных кризисов.

Анализ исторических предпосылок показывает, что негативное восприятие России и православных народов Западом во многом строилось на противопоставлении религиозных традиций и политических систем. Православие воспринималось как символ отсталости и деспотизма, особенно во время колониальных империй, когда европейские державы состязались с Россией.

Культурно-исторические аспекты притеснения православия в Европе связаны с долговременным процессом формирования образа «иного» в лице православных народов. Русофобия и сербофобия возникли как специфические формы такого образа и на протяжении веков подпитывались национализмом и геополитическим соперничеством. Таким образом, в современности они не исчезли, а проявились в новых формах, что свидетельствует об инерционной силе исторических стереотипов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Европа ли Россия? Беседа о Николае Данилевском и главном труде его жизни // Православие.ru // <https://pravoslavie.ru/124138.html>.
2. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Современная русофобия: ментальные истоки // Образование и право. 2022. № 8.
3. Крыжко Е.В., Пашковский П.И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионология. 2023. № 1 (122).
4. Моница Н.П. Идеология русофобии: духовно-исторические истоки формирования // Общество: философия, история, культура. 2018. № 3.
5. Нарышкин А.А. Стратегический подход к переосмыслению Вестфаля: «Бросить кирпич, чтобы получить нефрит» // Обозреватель. 2025. № 2 (409).
6. Римокатолики и православные: проблемы сосуществования в переломные моменты истории (опыт югославских территорий 1900-1930 гг.) // Православие.ru // <https://pravoslavie.ru/5281.html>.
7. Экмечич М. Дуго кретање између клања и орања. Историја серба у новом веку (1492-1992). Београд: Evro, 2008.
8. Custine A. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. I / Пер. с фр. В.А. Мильчиной и И.К. Стаф; под ред. В.А. Мильчиной; коммент. В.А. Мильчиной и А.Л. Осповата. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1996.
9. Lavisse E. Histoire générale (France et Russie au XIXe siècle). Paris, 1922.

R.A. KOBELKOV

Postgraduate student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia

CULTURAL AND HISTORICAL ASPECTS OF THE OPPRESSIVE ORPHANAGE OF ORTHODOXY IN EUROPE: RUSSOPHOBIA, SERBOPHOBIA AND NATIONALISM

This article explores the historical, cultural, and political foundations of the phenomena of Russophobia and Serbophobia within the context of European history. These phenomena are examined as specific forms of religious and civilizational alienation that became entrenched in European consciousness due to a complex interplay of factors, including the Great Schism of 1054, the expansion of Catholic and Protestant paradigms, and geopolitical rivalry between the West and the Orthodox East. Special attention is given to the formation of enduring stereotypes portraying Russia and Serbia as backward, despotic, and threatening entities in opposition to the «civilized» world.

Based on the analysis of historical sources and examples – from the propaganda surrounding the Crimean War to Enlightenment-era travelogues – the author demonstrates how religious differences between Eastern Orthodoxy and Western Christianity (Catholicism and Protestantism) served as a basis for symbolic opposition. While differing in origin, Russophobia and Serbophobia share common roots in the perception of Orthodoxy as a dogmatic, non-European, and alien tradition.

The article further shows that with the rise of nationalism in the 18th and 19th centuries, religious affiliation became a key marker of national identity, and Orthodoxy became a target for marginalization. Contemporary expressions of these prejudices are also examined, including restrictions on Orthodox institutions in post-Ottoman and post-Soviet spaces, and the rhetoric of «European choice» accompanied by pressures to abandon Eastern Christian identity. The author concludes that Russophobia and Serbophobia function as long-standing constructs of the «Other,» continually reshaped but not erased, reflecting the enduring power of historical stereotypes within European discourse.

Key words: Russophobia, Serbophobia, Orthodoxy, nationalism, Europe, oppression, cultural-historical aspects, religious estrangement.